

Цзин Мошэнь усмехнулся, в его взгляде читалось игривое любопытство:

— С чего ты взял, что ты евнух?

Чжо Цяньяо сердито зыркнул на него. Этот тип явно задавал вопрос, на который прекрасно знал ответ — во всем императорском дворце не было человека, который не знал бы, что он — евнух Чжо!

— Все благодаря твоей милости! Я больше не могу заниматься любовью с мужчинами, и в этой жизни я тебя никогда не прощу! — Чжо Цяньяо аж зубами заскрежетал от злости, вспоминая прошлое. Хотя, по правде говоря, к Цзин Мошэню это имело косвенное отношение, но ему нужен был хоть какой-то повод, чтобы отстраниться от руки, бесцеремонно блуждавшей у него на поясе.

Когда повязки сняли в первый раз, он поначалу решил, что его вовсе не кастрировали — все было на месте, остался лишь небольшой шрам. Следующие полмесяца рана сильно болела, и ему было не до раздумий. Лишь недавно, когда все окончательно зажило и он перестал чувствовать какой-либо дискомфорт, он по глупости спросил у соседа-евнуха, действительно ли его лишили мужской силы. Только тогда он узнал, что в эту эпоху кастрация подразумевала лишь перерезание определенного нерва. Впрочем, какая разница — он все равно теперь был ни на что не годен.

— Что значит заниматься любовью с мужчинами? — Цзин Мошэнь, по-видимому, сосредоточился лишь на этих словах, пропустив жалобы Чжо Цяньяо мимо ушей.

— С какой стати я должен тебе отвечать? — Чжо Цяньяо презрительно фыркнул.

— Паршивый евнух, совсем страх потерял! — взгляд Цзин Мошэня стал острым, как лезвие.

Кадык Чжо Цяньяо дернулся. Неизвестно почему, но от этого глубокого, пронизывающего взгляда он тут же сдал позиции:

— Там, откуда я родом, это означает связь между двумя мужчинами. Но теперь я евнух, так что больше не могу этим заниматься!

— Хм? И с кем же ты занимался этим раньше? — Цзин Мошэнь задал вопрос прямо, не скрывая своего интереса.

Чжо Цяньяо мысленно выругался: Какое тебе дело! Разумеется, вслух он этого сказать не посмел.

— Ваше Величество, разве вы не собирались во Дворец Чанъань? — Чжо Цяньяо мечтал, чтобы тот поскорее убрался.

— Сопровождай меня в опочивальню, — Цзин Мошэнь снова схватил его за руку, в его голосе сквозила насмешка.

— Эй! Отпусти! Зачем мне идти в опочивальню? — запястье Чжо Цяньяо отозвалось болью от его хватки.

— Будешь ублажать меня. Нет, вернее, заниматься со мной любовью, — Цзин Мошэнь нашел слова Чжо Цяньяо хоть и странными, но весьма забавными.

— Солнце еще не село, какая любовь?! И вообще, для таких дел у тебя есть наложницы, зачем тебе евнух? — Чжо Цяньяо запаниковал. Неужели у этого Цзин Мошэня какие-то извращенные наклонности?

Всю дорогу Чжо Цяньяо продолжал возмущенно ворчать, но Цзин Мошэнь будто не слышал его, решительно увлекая за собой в опочивальню. Находившиеся там евнухи благоразумно поспешили удалиться, плотно прикрыв за собой двери.

— Ваше Величество, вы серьезно? — Чжо Цяньяо был в недоумении: почему он никак не мог вырваться из рук этого несносного императора?

— Я хочу попробовать... заняться этим с тобой. — Слова давались Цзин Мошэню с трудом, и, не желая тратить время на пустые разговоры, он просто прильнул к его губам.

Чжо Цяньяо попытался отстраниться, но Цзин Мошэнь крепко придержал его за затылок, не оставляя пространства для маневра. Сравнение было не в пользу Чжо Цяньяо: человек, который никогда не состоял в отношениях, был совершенно беспомощен перед опытным мужчиной и даже не мог помыслить о сопротивлении.

Цзин Мошэнь почувствовал его замешательство и неохотно разорвал поцелуй, однако руку так и не убрал.

— Евнух Чжо, для первого раза вполне недурно, — Цзин Мошэнь лукаво улыбнулся. Этот маленький проказник уже давно не давал ему покоя.

— Я... — Чжо Цяньяо не мог вымолвить ни слова. Если бы не рука Цзин Мошэня, поддерживающая его, он бы давно без сил осел на пол.

Его первый поцелуй! Постойте! Но ведь... он же был кастрирован? Почему тогда? Что происходит? Чжо Цяньяо почувствовал, как в голове словно что-то взорвалось. Озарение мелькнуло и тут же погасло, оставив его в полном оцепенении.